

Игумен МАКАРИЙ (Веретенников)

УЧАСТИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ОСВОБОЖДЕНИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА ОТ МОНГОЛО-ТАТАРСКОГО ИГА

Тяжелым бременем для Русской Церкви, Русского государства, русской культуры и письменности явилось нашествие монголо-татарских полчищ завоевателей. Были разрушены города, села, целые районы. Их защитники были уничтожены, население перебито или уведено в плен. Многие памятники архитектуры, искусства и культуры безвозвратно погибли. Пострадали монастыри, храмы, был нарушен привычный уклад жизни всей страны. Жизнь замирает в южных, разоренных пределах Руси, уцелевшие жители уходят на север, под защиту лесов¹. Более того, нарушается сложившийся климат международных отношений с другими государствами. Страшный удар, нанесенный Руси, со временем принимает систематический характер гнета, наступает период, известный в русской истории как монголо-татарское иго. Святитель Серапион Владимирский писал во второй половине XIII века: «Вот уже к сорока годам приближаются страдания и мучения, и дани тяжкие на нас непрестанны, голод, мор на скот наш, и всласть хлеба своего на-есться не можем, и стенания и горе сушат нам кости»².

Деятельность не всех митрополитов домонгольского периода удовлетворительно освещена в источниках. Но о первосвятителях монгольского периода достоверно известно, что это были достойные архипастыри, «полагающие душу свою за овцы» (Ин. 10, 11).

Первым главой Русской Церкви этого периода был митрополит Кирилл III († 1281). Он был избран из русских клириков великим князем Даниилом Романовичем Галичским, а посвящен был византийским патриархом в Никее. Вернулся новый глава Церкви на Русь, как считает Е. Голубинский, «не позднее 1249-го года»³. В отличие от своих предшественников он должен был много путешествовать по разоренной стране, укрепляя и утешая свою скорбную паству. Больше всего он находился во Владимире, но мы видим его и в Новгороде, и в Ростове, и в других городах. В 1270 году, когда новгородцы были в конфликте с тверским князем Ярославом Ярославичем, митрополит Кирилл своим посланием примирил их, предотвратив тем самым военное столкновение⁴.

Его главная заслуга — деяния Владимирского Собора 1274 года. На этом Соборе были предприняты усилия к исправлению духовных недостатков русского общества, что позволило Е. Голубинскому провести

параллель между этим Собором и Стоглавым 1551 года⁵. М. Н. Тихомиров, изучая соборные материалы, пришел к выводу, что непреходящее его значение — это воссоздание древней письменности на Руси, ее книжных сокровищ, пострадавших при татарском погроме⁶. Не менее важным было и то, что при нем была открыта в 1261 году новая епархия Русской Церкви в столице поработителей — Сарая. «Учреждение епископии при ханском дворе было вызвано, вероятно, целым комплексом причин. Во-первых, число русских в Золотой Орде все увеличивалось. Речь шла не только о русских рабах, духовные нужды которых вряд ли волновали завоевателей, но и об участвовавших посещениях Орды русскими князьями с их приближенными... Во-вторых, татаро-монгольская власть к этому времени уже вполне наладила отношения с духовным сословием... В-третьих, ханская власть придавала особую роль Сарайскому епископу во взаимоотношениях Золотой Орды с Византией»⁷.

Пятнадцать лет спустя после открытия епархии Сарайской епископ Феогност задавал различные вопросы, которые дают представление о специфике бытия Православия в инородной среде. «9 Вопрос. Аще приключится человеку в велицей болести, въсхошет в чернеци, а не будет игумена, лзе ли епископу пострищи его?— Не токмо епископу, ино и попови и диаконови; аще не будет попа и диакона, а при смерти, да и причетник пострижет». «Вопрос 21. Подобае ли, свящав трапезу, преносити от места на место, и на ней литургисати? — Ответ. Подобае, занеже по нужи ест. Ходящии людие не имают себе упокойна места; но стрещи с страхом и трепетом: в чисте месте поставити ю, и служити на ней». «23 вопрос. Приходящии от татар, хотящих креститися, и не будет велика съсуда, в чем погружати ему? — Ответ. Да обливае его 3-жды, глаголя: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа»⁸.

Преемником святителя Кирилла был митрополит Максим († 1305; пам. 6 дек.)⁹, грек по национальности, поставленный в Константинополе. Как и его преемник, он много путешествовал «по обычаю своему хожаше по всей земле Русей, учаше, наказуаше, управляше»¹⁰. В своей деятельности он еще больше своего предшественника пребывает во Владимире, столице северной Руси.

Его сменил на первосвятительском престоле святой Петр († 1326; пам. 21 дек.), «снова природный русский, как митрополит Кирилл III, и именно — опять южанин и из одной и той же с последним области галичско-волынской»¹¹. В своей жизни и деятельности он по примеру своих предшественников много путешествовал по обширным пределам митрополии, заботясь о сплочении и единстве своей паствы.

К его времени относится начало такой формы зависимости Русской Церкви от Золотой Орды. «В 1313-м году умер Тохта, или Тохтагу, и его место заступил хан Узбек. Новый хан при своем восшествии на престол... постановил узаконение, чтобы на будущее время ко вновь вступающим на престол ханам являлись за получением утвердительных ярлыков не только князья, но и митрополиты, и требовал, чтобы исполнение этого узаконения началось с него самого»¹².

Деятельность митрополита Петра — это принципиально новый этап в истории Русской Церкви, судьбы России, в истории взаимоотношений Церкви и государства. Великий святитель обратил внимание на неболь-

шой удельный град Москву. И ее князю Иоанну Калите незадолго до своей кончины он заповедал построить кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы, добавив: «Если послушаешь меня, сын мой: то и сам прославишься с родом твоим более других князей, и твой город будет славен между русскими городами; святители будут жить в нем, руки его вздут на спину врагов его, и Бог прославится в нем»¹³. Блаженный собор был построен, в нем же и был погребен Первосвятитель Петр. Академик Д. С. Лихачев так характеризовал шаг святителя Петра: «В Москву из Владимира переезжает в начале XIV в. русский митрополит, и это делает ее религиозным центром всех русских земель. Перенесение митрополичьей кафедры в Москву имело для Москвы еще большее значение, чем перенесение папской резиденции в 1309 г. в Авиньон для культуры всей Франции»¹⁴.

Первый митрополит монгольского времени святитель Кирилл по традиции был погребен в Киеве, хотя его деятельность простиралась по преимуществу в северной Руси. Его преемник уже был погребен во Владимире. Начиная же с митрополита Петра Российских предстоятелей погребали в Москве. Это знаменательный и важный фактор. В то время перед Русью стояла задача освобождения от монголо-татарского ига. Но прежде нужно было объединить, сплотить русскую мощь. Центром, претендующим на возглавление этого движения, была Тверь и другие города. Но Церковь и ее мудрый Первосвятитель благословили на сей подвиг собирания и объединения всей страны именно Москву. Слова Первосвятителя, процитированные из жития, явились как завещание и благословение последующей русской иерархии. Последовавшая вскоре (1339 г.) его канонизация¹⁵ при митрополите Феогносте усугубила значение завета святителя Петра.

Связь с Москвой его преемника вносит новые черты в характер его деятельности. «В древнее время как везде, так в частности и у нас на Руси, благоуукрашение городов составляли храмы или церкви. У нас на Руси церквами, благоуукрашающими города, считались церкви каменные, в отличие от церквей деревянных, каковыми были обыкновенные наши церкви»¹⁶. Митрополит Феогност и Московский князь активно занимаются строительством каменных храмов в Москве.

Осмысление именно Москвы, как объединяющего центра Руси, ставило задачи утверждения ее и как церковного центра и противодействия иным автокефалистским устремлениям. Целенаправленной становится участие митрополитов в государственной жизни — активная помощь московскому князю.

Развитием этих усилий является деятельность митрополита Алексия († 1378, пам. 12 февр.), при поставлении которого в Константинополе было утверждено официальное перенесение кафедры Русской Митрополии из Киева во Владимир. Святитель Алексий «был ревностнейшим охранителем владений и власти московских князей против внешних врагов: современные свидетельства, принадлежавшие друзьям и врагам св. Алексия, согласно говорят нам, что он, получив от умирающего Ивана Ивановича опеку над его малолетним сыном Димитрием, «прилагал все старания, чтобы сохранить дитя и удержать за ним страну и власть», что он «весь предавался» возложенному на него делу попечения о «государе-дитяти»¹⁷.

Тонкую характеристику этого времени мы находим в актовой речи знаменитого историка В. О. Ключевского, произнесенной в Московской Духовной Академии в 1892 году по случаю 500-летия со дня кончины преподобного Сергия, игумена Радонежского. Ученый связал его деятельность с подвигами святителей Алексия Московского и Стефана Пермского. «Все три мужа, подвизаясь каждый на своем поприще, делали одно общее дело, которое простиралось далеко за пределы церковной жизни и широко захватывало политическое положение всего народа. Это дело — укрепления Русского государства, над созданием которого по-своему трудились московские князья XIV в... Духовными силами трех наших святых мужей XIV века, воспринявших... завет святителя (Петра.— и. М.), Русская земля и пришла поработать над предвозвещенной судьбой этого города... Они приложили к делу могущественные духовные силы... Потому ведь и удалось московским князьям так успешно собрать в своих руках материальные, политические силы русского народа, что им дружно содействовали добровольно соединившиеся духовные его силы»¹⁸.

С именем преподобного Сергия связан усиленный интерес к святоотеческой исихастской литературе¹⁹. XIV век — это время исихастского движения и духовного возрождения в Православном мире. «Оно дало Руси духовные силы пережить своих поработителей, сбросить их иго, воссоединиться и стать величайшей Россией»²⁰. Именно к этому времени относится благословенная преподобным Сергием знаменитая битва на Куликовом поле, закончившаяся блистательной победой русских над татарами. «Православной Церкви много обязана Россия... своим освобождением от ига татарского: эта Церковь воспитала и вызвала к деятельности Димитрия Донского, государя, в лице которого, подобно как в лице Владимира Мономаха и святого Александра Невского, так прекрасно сочетаются благочестие и геройство, вера и мудрость государственная, ревность о Православии и ревность о благе народном»²¹. В храмах Русской Церкви в эти решающие и грозные для Отчизны минуты пелись различные творения Константинопольского патриарха Филофея «на поганыя», переведенные митрополитом Киприаном²². Знаменитая победа русского оружия была прославлена, воспева и освещена в литературных памятниках. «В «Задонщине» упомянуты и Рим, и Константинополь — важнейшие церковные центры Европы. Русская Церковь — огромная идеологическая сила — после Куликовской битвы освятила ее, канонизовав споспешествовавшего Дмитрию Сергию Радонежского. Будучи реальными политиками и к тому же опасаясь распространения католичества на Восточную Европу, церковные иерархи действовали заодно с московским правительством в политике воссоединения»²³.

В судьбе преемника святителя Алексия, митрополита Киприана, наиболее ярко сказались противоречивые исторические процессы того времени: этническая дифференциация и стремление к ее преодолению. «Объединительная деятельность Киприана была тем более своевременной, что она совпала с первой серьезной возможностью для Москвы освободиться от ненавистного татарского ига»²⁴. Наряду с этим борьба русского народа с рабским игом при митрополите Киприане находит новое церковное выражение. С этого времени навсегда вошли в Право-

славный Месяцеслов и ежегодно напоминали русскому человеку о героической борьбе с поработителями Димитриевская родительская, в честь погибших воинов на поле Куликовом, и установление празднования Владимирской иконе Богоматери в честь принесения ее в Москву в 1395 г. и благодатного избавления России от нашествия могучего завоевателя Тамерлана²⁵.

Ситуация XIV века, аналитически воссозданная В. О. Ключевским, имела свое типологическое повторение в XV веке в лице присноблаженной святительской троицы: первого автокефального митрополита Ионы († 1461), Новгородского архиепископа Ионы († 1470) и Великопермского епископа Ионы († 1471). Их многосторонняя церковная и государственная деятельность по примеру Ноева голубя (Иона — в переводе с евр. — голубь), возвестившего масличной ветвью скорое окончание потопа (Быт. 8, 11), явилась провозвестницей освобождения Руси от татарского ига и ее объединения в единое мощное, централизованное государство²⁶.

Освобождение Руси связано с так называемым Угорским стоянием, когда русские войска на реке Угре противостали Ахматовой орде в 1480 году²⁷. В древнерусской литературе известны два послания великому князю Ивану III: Всероссийского митрополита Геронтия и Ростовского архиепископа Вассиана²⁸.

Последний указывает яркие библейские и русские образцы самопожертвования и патриотизма. Он писал: «И се убо, якоже слышахом, безбожный сей агарянский язык приближися ко странам нашим, ко отечеству ти, уже убо многа сумеженыа странам нашим поплениша, и движетса на ны. Изыди убо скоро во сретение ему, изыди, взем Бога на помощь и Пречистую Богородицу, нашего христианства помощницу, и всех святых Его, и поревнуй преждебывшим прародителем твоим, великим князем»²⁹. Послание святителя Вассиана, архиепископа Ростовского, — это выдающийся памятник церковной, патриотической мысли. Его влияние заметно и в последующих произведениях подобного жанра³⁰.

Один историк XIX века, характеризуя содействие русской иерархии объединительным усилиям московских князей, дает ему такую сравнительную характеристику: «Если бы на месте православных архиереев были римские бискупы, они конечно поспешили бы воспользоваться всякою усобицею для посильного осуществления своей идеи о теократическом государстве. Но православные архиереи были слишком честны, прямодушны и преданиями Православия не приучены к тому, чтобы среди бедствий паствы преследовать какие-либо своекорыстные клерикально-политические тенденции»³¹.

Разумеется, созидательная деятельность русской иерархии не сосредоточивалась на государственно-великокняжеских проблемах, а была значительно шире. Литературные труды Всероссийских первосвятителей были проникнуты идеей единства Русской земли. «...Содержание московского митрополичьего летописания, обилие включенных в его состав областных летописей уже в XIV в. свидетельствует, — по словам академика А. А. Шахматова, — об общерусских интересах, об единстве земли Русской в такую эпоху, когда эти понятия едва только возникали в политических мечтах московских правителей»³².

Митрополиты и духовенство явились заступниками и печальниками

за обвиненных, попавших в опалу и т. д.³³. Духовенству в первую очередь принадлежит заслуга духовного образования и воспитания русского народа. «Богослужение и древнерусская, исключительно духовная литература, выходящая в народное образование из архиерейских передних, из убогих хижин священнослужителей и тесных келий, приходилась по сердцу старому грамотею и неграмотному слушателю, развивая в них силу веры и привязанности к Православию, ревниво охраняемому духовенством»³⁴. «Иноки были главными жизнеописателями святых Русской Церкви: почти все жизнеописания русских святых написаны иноками, и большею частью составлены учениками этих святых: это другая, не менее драгоценная заслуга древних русских иноков для русской церковной истории»³⁵. Писатели иноки Епифаний Премудрый и Пахомий Серб, иконописцы преподобный Андрей Рублев и Феофан Грек и многие-многие известные и неизвестные другие — творцы и создатели русской национальной культуры, которая во всех отношениях оказалась выше культуры завоевателей и способствовала единению и освобождению русского народа.

Успехи церковной иерархии в различных областях были различны и могли не сразу принести свои плоды. Этническая дезинтеграция славянских народов, казалось бы, свела на нет объединительные церковные усилия, но они заложили основу, посеяли семя, принесшее плоды по объединению Великой России позднее, и их усилия не пропали даром.

Падение монголо-татарского ига, чему так активно содействовала Русская Церковь, поставило вопрос о смысле исторического процесса и осмыслении значения Руси в нем, создании теории о Москве как о третьем Риме и представлении о Русской Церкви как о Новом Иерусалиме. Свидетельством святости Русской Православной Церкви, ее благочестия, ее авторитета и значимости является, наконец, и тот фактор, кстати, не отмеченный до сих пор исследователями, что на Русь шли подвизаться люди разных национальностей. И среди множества таких безымянных выходцев из разных стран мы видим и впоследствии канонизованных святых: Петра, царевича ордынского, Ростовского чудотворца, потомка татарских баскаков преподобного Пафнутия Боровского, позднее, в XVI веке, крестятся казанский мурза, известный как преподобный Серапион Кожеезерский, преподобный Савва Крынецкий (серб), Кассиан Грек Угличский и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нечто аналогичное уже имело место на территории нашей страны тысячелетием ранее (см.: Рыбаков Б. А. Мир истории. Начальные века русской истории. М., 1984, с. 28).

² Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981, с. 445.

³ Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Период второй, Московский. Т. 2. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Б. м. и г., ч. I, с. 54.

⁴ Там же, с. 81; Чиннов П. Участие древнерусских митрополитов в современной им государственной и общественной жизни.— Вера и разум, 1911, № 13, 38—39.

⁵ Голубинский Е. Е. История Русской Церкви, т. 2, ч. 1, с. 67.

⁶ Тихомиров М. Н. Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига.— В кн.: Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVII веков. М., 1968, с. 173—184. См. также: Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования русского национального государства (Конец XIV—начало XVI в.). Л., 1946, с. 45.

⁷ Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978, с. 24.

- ⁸ Памятники древнерусского канонического права. Ч. I (памятники XI—XV в.). Изд. 2-е (РИБ, т. 6). СПб., 1908, кол. 133, 136.
- ⁹ Настольная книга священнослужителя. Т. 2. Месяцеслов (сентябрь-февраль). М., 1978, с. 369—370; то же, т. 3. Месяцеслов (март-август). М., 1979, с. 208—209.
- ¹⁰ Голубинский Е. Е. История Русской Церкви, т. 2, ч. I, с. 92. См. также: Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 511.
- ¹¹ Голубинский Е. Е. История Русской Церкви, т. 2, ч. I, с. 98.
- ¹² Там же, с. 122.
- ¹³ Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский. Жития святых, чтимых Православною Церковию. Месяц декабрь. Изд. 2. СПб., 1892, с. 270.
- ¹⁴ Лихачев Д. С. Указ. соч., с. 8.
- ¹⁵ Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. Изд. 2. М., 1903, с. 67, 382—383.
- ¹⁶ Голубинский Е. Е. История Русской Церкви, т. 2, ч. I, с. 189.
- ¹⁷ Там же, с. 194.
- ¹⁸ Ключевский В. О. Значение преподобного Сергия для русского народа и государства.—В кн.: Ключевский В. О. Очерки и речи. Второй сборник статей. М., 1913, с. 208.
- ¹⁹ Прохоров Г. М. Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, Авва Дорофей, Исаак Сирин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Троице-Сергиевой Лавры с XIV по XVII в.—В кн.: Исследования по истории русской литературы XI—XVII вв. (ТОДРЛ, т. 28). Л., 1974, с. 317—324.
- ²⁰ Прохоров Г. М. Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы.—В кн.: Куликовская битва и подъем национального самосознания (ТОДРЛ, т. 34). Л., 1979, с. 3. См. также: Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в.—В кн.: Литературные связи древних славян (ТОДРЛ, т. 23). Л., 1968, с. 106.
- ²¹ Надеждин Ф. Влияние веры и Церкви Православной на судьбы Отечества нашего в минувшем тысячелетии.—Христианское чтение, 1863, ч. I, с. 9—10.
- ²² Прохоров Г. М. Гимны на ратные темы эпохи Куликовской битвы.—В кн.: ТОДРЛ. Л., 1983, т. 37, с. 286 и сл.
- ²³ Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982, с. 49. Г. Прохоров, описывая бесславную судьбу одного татарского военачальника, относящуюся к этому времени, так говорит: «...за месяцы, проведенные под арестом на Руси, татарский военачальник имел, я думаю, возможность понять, кто, какие люди «благословляли» князей на роковое для него, Сарайки, «розмирие» (Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978, с. 31).
- ²⁴ Мейендорф И. О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV в.—В кн.: Вопросы истории русской средневековой литературы (ТОДРЛ, т. 23). Л., 1974, с. 305.
- ²⁵ См.: Полное собрание русских летописей. СПб., 1897, т. XI, с. 159; Настольная книга священнослужителя, т. 3, с. 759—760. Гребенюк В. П. Борьба с ордынскими завоевателями после Куликовской битвы и ее отражение в памятниках литературы первой половины XV века.—В кн.: Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980, с. 64. О патриотической деятельности митрополита Киприана см.: Киприан Всероссийский митрополит и великий князь Дмитрий Иоаннович (1376—1389).—Православный собеседник, 1862, ч. I, с. 3—46; Прохоров Г. И. Повесть о Митяе. Л., 1978.
- ²⁶ См.: Макарий, игумен. Три тезоименитых древнерусских святителя-современника (в печати).
- ²⁷ Настольная книга священнослужителя, т. 3, с. 471.
- ²⁸ См.: Макарий, митрополит Московский. История Русской Церкви в период разделения ее на две Митрополии. Изд. 2. СПб., 1887, т. 6, кн. I, с. 68—74.
- ²⁹ ПСРЛ. СПб., 1901, т. 12, с. 206—207; Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982, с. 528. См. также: Надеждин Ф. Влияние веры и Церкви Православной, с. 10.
- ³⁰ Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в.—В кн.: ТОДРЛ. Л., 1951, с. 158—186.
- ³¹ Терновский Ф. Участие древнерусских архиереев в делах общества. — Труды Киевской Духовной Академии, 1870, № 2, с. 479.

³² Цит. по: *Лихачев Д. С.* Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.). М.—Л., 1962, с. 101.

³³ *Янковский П.* Печалование духовенства за опальных...— ЧОИДР, 1876, кн. I; *Чиннов П.* Участие древнерусских митрополитов..., с. 53—56.

³⁴ *Покровский И.* Значение русской иерархии и исторические условия ее служения Церкви и государству до XVIII века.— Православный собеседник, 1898, ч. 1, с. 440.

³⁵ Содействие русских монастырей просвещению Древней Руси.— Православный собеседник, 1858, ч. 1, с. 511.
